

Светлана Ганнушкина: «У меня, что называется, дурная привычка лезть в чужие дела»

Светлана Алексеевна Ганнушкина (родилась 6 марта 1942 года в Москве) – председатель региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», руководитель Сети «Миграция и Право» Правозащитного центра «Мемориал».

Окончила механико-математический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, была доцентом кафедры математики Российского государственного гуманитарного университета.

В 1990 году стала одним из учредителей Комитета «Гражданское содействие» – первой общественной организации, оказывающей разностороннюю помощь беженцам и вынужденным переселенцам. Участвовала в создании Правозащитного центра «Мемориал»; в его рамках организовала Сеть «Миграция и Право». Член Правительственной комиссии по миграционной политике; член Международной рабочей группы по поиску без вести пропавших и освобождению заложников в карабахском конфликте. Была членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ, после преобразования в ноябре 2004 года Комиссии по правам человека в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека вошла в состав обновленного Совета, в котором работала до 2011 года.

Премии и награды: 1997 – премия Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) «За подвижничество» (к десятилетию работы Фонда Сороса в России); 2000 – медаль Межпарламентской ассамблеи стран СНГ «Древо дружбы» «За выдающийся вклад в формирование информационного пространства СНГ»; 2001 – Почетный наградной знак Благотворительного совета г. Москвы «За заслуги в благотворительной деятельности»; 2003 – Премия Немецкой секции Международной Амнистии «За заслуги в области защиты прав человека»; 2004 – Премия Нансена УВКБ ООН ПЦ как представителю правозащитного центра «Мемориал» за работу Сети «Миграция и Право» в области защиты прав мигрантов; 2006 – Премия «Человек человеку» Чешской неправительственной организации «Человек в беде» «За личный вклад в защиту прав человека и помощь мигрантам»; 2007 – Премия им. Сахарова Норвежского Хельсинского комитета по правам человека «За многолетнюю самоотверженность и преданность в работе по защите прав человека в России»; 2008 – Благодарность Президента РФ как члену Совета; 2010 – Наградной крест Российского казачества «За веру и службу России»; 2011 – Кавалер Ордена Почетного Легиона (Ordre national de la Légion d'honneur); 2012 – Премия Шюра Линдербреккеца за Демократию и Права

Человека Норвежской консервативной партии; 2013 – Премия имени Стига Ларссона «За работу в духе Стига Ларссона – настойчивую и мужественную защиту прав человека в России», Швеция; 2013 – Премия Французской национальной консультативной комиссии за права человека; 2014 – Премия Фонда «Молодая Европа» им. Хайнца Шварцкопфа, Гамбург, Германия; 2014 – Премия МХГ за исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение; 2014 – медаль «За защиту прав человека в Республике Ингушетия»; 2015 – Премия Гайдара «За действия, способствующие формированию гражданского общества»; 2015 – Премия МИД Польши Pro Dignitate Nupta «Гражданскому содействию».

Ред. Светлана Алексеевна, как получилось, что из всех правозащитных проблем вы сосредоточились на судьбах беженцев?

С.Г. Специальной мотивации заниматься именно беженцами у меня не было. Отмечу, что помимо открытых диссидентов в Советском Союзе были люди, которые занимались правозащитной деятельностью, не переходя определенной черты. У меня, что называется, дурная привычка лезть в чужие дела. Вот типичный для меня случай. На работе стали увольнять человека – была превышена «процентная норма» по сотрудникам еврейской национальности. Ему создавали невыносимые условия, а увольняться было некуда. Нужно было разъяснить коллегам, что происходит. Одни опасались за карьеру, другие – еще за что-то. Я активно вмешалась, нашлись те, кто меня поддержали. В итоге человек еще два года трудился в институте и, только найдя другую работу, ушел по собственному желанию.

Одна из моих студенток попала в лапы к ростовщику, доказать что-либо было очень трудно, потому что в СССР ростовщиков «не было и быть не могло». Все-таки удалось ее отстоять. Мы друзья до сих пор.

Была такая практика – письма на съезд КПСС. Я ей активно пользовалась. Кстати, первым, кто не ответил мне, был Михаил Сергеевич Горбачев. Благодаря таким письмам инвалид получил машину, подруга моей мамы в Риге смогла получить квартиру. Вот когда бы я «перешла черту» – это в 1968 году из-за ввода войск в Чехословакию. Я не знала, что та «семерка» идет на Красную площадь¹. Меня долго терзало чувство вины перед чехами. Потом я с радостью поняла, что они эту страницу для себя перевернули, у меня среди чехов много друзей, и я им благодарна за дружбу. На общее собрание, где надо было поддержать вторжение, ни я, ни мой муж просто не пошли.

Во второй половине 80-х уже можно было создавать общественные объединения. Первая общественная организация, в которой я участвовала как учредитель, называлась «Секция национально-политических отношений при Советской социологической ассоциации». Получилось это так. С юности антисемитизм вызывал у меня чувство стыда. От своей еврейской «четвертушки» я никогда не отказывалась, но антисемитизм воспринимала своей русской частью. О его проявлениях писала в газеты и получала лаконичные ответы: «Газета впредь в своей политике будет учитывать ваше мнение».

Но в 1988 году меня услышали и, как ни странно, пригласили в МГК КПСС. «Разве у нас есть антисемитизм?» – спросили меня. Я ответила, что на мехмате² организован отсев евреев на вступительных экзаменах, и я могу назвать людей, которые уже много лет собирают материал, документально подтверждающий это. Это были математики Михаил Цаленко и Валерий Сендеров. Их пригласили на встречу, результатом которой стало отстранение организаторов этнической селекции от экзаменов впервые за много лет.

А 9 марта 1988 года инструктор ЦК КПСС собрал в Доме ученых тех, кто выступал против проявлений антисемитизма. Картина получилась такая: на подиуме – борцы с «сионизмом»,

в зале — мы, борцы с антисемитизмом. Забавная была дискуссия: нас все время пытались сбить с темы и завести разговор о «мировом сионизме и его опасности». И был там человек, который периодически вставал и говорил: «Вот вы все об одном и том же, а в Азербайджане людей режут!»

Ред. Кто же это был?

С.Г. Это был Амбарцум Галстян, член комитета «Карабах», потом он погиб. О карабахском конфликте я тогда имела смутное представление, и мне казалось, что останавливаться на нем не следует, потому что мы собрались говорить о том, за что мы здесь и сейчас отвечаем, а происходящее в Азербайджане — все же на совести его жителей.

Только через несколько дней я поняла, что ошибалась, и попросила отметить это в сноске стенограммы встречи. В результате встречи в Доме ученых и была учреждена Секция национально-политических отношений — первая неправительственная организация, в работе которой я участвовала.

Первой темой заседаний Секции стала, разумеется, карабахская проблема, тем более что одним из ее сопредседателей была избрана такая мощная личность, как Галина Васильевна Старовойтова, крепко связанная с Арменией. Оттуда приезжали ученые, подробно рассказывали о происходящем, но вся информация шла исключительно от армянской стороны. Поэтому в январе 1989 года я для себя решила: надо ехать в Баку. Этот город к тому же — родина моей мамы.

Приехала, на улицах впервые увидела танки не на параде. Остановилась у знакомых. Меня отвели в одну интеллигентную смешанную семью. Люди мне охотно и долго рассказывали о том, как им видится конфликт из Баку, какие тесные связи у этих двух народов. Желание говорить было огромным, всего за шесть дней я взяла больше двадцати интервью. Одну отъезжающую армянскую семью я опрашивала прямо на улице. Фамилии интервьюируемых я потом изменила. Все армяне понимали, что им надо выезжать. Через год оставшиеся очень пожалели об этом: в Баку начались страшные погромы.

И там же, в Баку, я увидела первых беженцев: азербайджанцев из Армении. Это были люди, очень плохо говорившие по-русски, в основном овощеводы. Их не убивали, но жестоко выгоняли. У одной женщины на перевале замерз двухмесячный ребенок, не выжил. Эта обезумевшая от горя мать бродила среди людей с трупом на руках. Они безропотно переносили свои лишения, дисциплинированно выстраиваясь в очередь за хлебом. Я уверена, что эти простые люди, жившие в Армении, были очень далеки от карабахской проблемы. Собственно, эта поездка решила мою судьбу.

Ред. С чем же вы вернулись в Москву?

С.Г. А вот с чем. Стороны конфликтов с тех пор разделились для меня на политиков, получающих свои дивиденды, и людей, которые от этих конфликтов страдают. В 1990 году уже около 40 тысяч бакинских армян появилось в Москве. Они кинулись за помощью в Постпредство Азербайджана, но их там уже за своих не считали. Расселились они в Постпредстве Армении, прямо на полу в коридорах и залах. Москвичи приносили им одеяла, одежду, продукты. Я приносила талоны на сахар, который просто купить в магазине было нельзя. Мои студенты, зная, чем я занимаюсь, отдавали мне для беженцев талоны на сахар, к талонам часто прикрепляли рубль (цена килограмма сахара).

Тогда же я познакомилась с Викторией Чаликовой, которая, к сожалению, рано ушла из жизни, с Лидией Графовой. Они тоже занимались беженцами; собственно, тогда, в едином еще государстве, их точнее было называть «внутриперемещенными» лицами. Вот тогда-то и образовалась первая в России общественная организация помощи беженцам — Комитет «Гражданское содействие». А позже, в 1996 году, в рамках Правозащитного центра «Мемориал» была организована Сеть юридической помощи беженцам и мигрантам «Миграция и Право».

Разумеется, право обратиться за убежищем и получить его, если к тому есть основания, необходимо защищать. Но как могу я, гражданка России, сказать, что это должна делать Норвегия, если в моей

стране это право полностью игнорируется? Некоторое исключение, которое составляли украинские беженцы, только подтверждает это правило. Грустно признавать это.

ПОЗИЦИЯ

«Идет непрерывная дискуссия о свободе слова и ее допустимых ограничениях. Возможно, это важная тема для обсуждения. Однако, как мне представляется, сейчас она не так уж актуальна. Гораздо более важным мне представляется дискуссия о праве на жизнь. Что бы ни рисовали, что бы ни писали одни люди, как бы ни чувствовали себя оскорбленными этим другие, нет такого права и нет такой религии, которые позволяли бы этим оскорбленным отнимать жизнь у своих обидчиков. Современное право требует, чтобы от убийства за самые тяжкие преступления отказались и государства».

Ред. Вы сотрудничали с Комиссией по правам человека?

С.Г. Я встречалась по поводу беженцев с Сергеем Адамовичем Ковалёвым, председателем Комиссии, легендарным человеком. Правда, один из его помощников съязвил по поводу армянских беженцев: «Да они богаче нас, смотрите, какие у них шубы и золотые зубы». Что ж, на Кавказе действительно принято носить золотые зубы, а вот крыши над головой у людей не было.

Ред. Ковалёв поддержал вас?

С.Г. Да, он понял серьезность проблемы. В 1990 году было принято постановление Совмина освободить Москву и Санкт-Петербург от беженцев³. Моссовет этому не подчинился. Людей расселили в гостиницах и общежитиях Москвы. Но это касалось почти исключительно живших в Постпредстве. Частный сектор остался без государственной поддержки. Правда, потом выделялись квартиры в регионах России, но недостаточно, часто квартиры оказывались уже занятыми, несданными в эксплуатацию, а иногда указанных адресов вообще не существовало. Поэтому беженцы, как-то прижившиеся в Москве, уже не рисковали выезжать.

Ред. Какими еще беженцами вы занимались?

С.Г. Все волны беженцев прошли через наш Комитет: грузины из Абхазии, афганцы, сейчас это сирийцы, украинцы, африканцы. Кроме того, это наши «внутриперемещенные» лица из Чечни, их тоже в просторечии называют беженцами.

Существует предвзятое мнение, что правозащитники и Комиссия Ковалёва не занимались русскими из Чечни. Это неправда. Комитет «Гражданское содействие» активно работал по этой проблеме: и Лидия Графова, и Вячеслав Игрунов. Мы боролись за то, чтобы покинувшим Чечню была определена компенсация за утраченное жилье, чтобы им предоставлялся статус вынужденного переселенца, чтобы им в других регионах можно было получить регистрацию и документы на утраченное жилье, получать пенсию.

Это касалось всех, покинувших Чечню, но в первую чеченскую войну большинство выехавших составляли русские. Другое дело, что выехавшие чеченцы подвергались жестокой дискриминации, поэтому частные обращения касались, как правило, именно чеченцев. Компенсация за жилье составляет 120 тыс. рублей на семью. Попробуйте купить что-то за эту сумму! Но даже эти деньги выплачены не всем: бюджет перестал выделять на это финансирование. Мы пытаемся добиться увеличения суммы компенсации до реальной стоимости жилья — к сожалению, пока безрезультатно. Пытаемся восстановить права на жилье в Чечне для тех, кто от него не отказывался и не получал компенсацию. Есть решения судов, но реально вернуть квартиры удалось единицам. Руководство Чечни покрывает захватчиков.

Я уже не раз во всеуслышание заявляла, что совершенно необходимо принимать срочные меры к возвращению в конституционное поле и в поле федерального права всех структур, всех частных лиц, а в некоторых случаях целые регионы, которые нарушают наше законодательство. Например, положение женщин характеризуется в Чеченской Республике одной маленькой цитатой из выступления главы республики: женщина – собственность, мужчина – собственник. Какой может быть при этом разговор о соблюдении статьи 19 Конституции Российской Федерации, согласно которой мужчины и женщины имеют равные права?!

Ред. Вы продолжили сотрудничество с Комиссией?

С.Г. В период председательства В.А. Карташкина – нет. Летом 2002 года я была в Праге, где работал мой сын, и там узнала о назначении Эллы Памфиловой. Тогда я сказала себе: «Если бы она меня позвала, я бы согласилась с ней работать». Личный опыт общения с Эллой Александровной был небольшой, но я помнила, как она в правительстве отстаивала права пенсионеров, буквально билась за них.

Когда я вернулась, мне позвонил Арсений Рогинский, сказал, что от «Мемориала» хотят выдвинуть меня. Составилась команда из очень уважаемых людей: Александр Аузан, Людмила Алексеева, Алексей Симонов... Элла Александровна поговорила с каждым, сообщила, что готовится встреча с президентом.

Ред. Над чем вы конкретно стали работать?

С.Г. Только что была принята новая редакция Закона «О гражданстве Российской Федерации». Закон фактически создал условия, при которых получить гражданство России стало невозможно. 6 декабря 2002 года в Комиссии состоялись слушания по этому закону. Участвовали представители многих министерств и ФМС, в частности В.М. Жуйков – заместитель председателя Верховного Суда. Много говорилось о бакинских беженцах, проживавших на территории России.

Мы годами добивались того, чтобы им выдали паспорта по старому, 1991 года, Закону, поскольку они постоянно проживали на территории России на 6 февраля 1992 года и, как и мы все, стали гражданами РФ по признанию⁴. Но власти признавали в качестве доказательства проживания только регистрацию, по-старому говоря, прописку.

Жуйков впервые эту ситуацию осознал и вмешался. Он выпустил инструктивное письмо, обязавшее судей устанавливать в судебном порядке факт постоянного проживания. Тысячи людей благодаря этому получили паспорта на основании судебных решений, подтверждающих их постоянное проживание на 6 февраля 1992 года.

Документ

«ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Председателям верховных судов республик, краевых, областных судов, судов автономной области, судов автономных округов, Московского и Санкт-Петербургского городских судов

21.07.2003 года № 587-8/общ.

В настоящее время возросло количество обращений граждан в суды с заявлениями об установлении юридического факта постоянного проживания на территории Российской Федерации в течение определенного времени.

...Таким образом, исходя из названных норм Закона РФ от 28 ноября 1991 года № 1948-1, а также Постановления Конституционного Суда РФ от 16 мая 1996 года № 12-П, гражданами Российской Федерации признаются не только все граждане бывшего СССР, постоянно проживавшие на территории Российской Федерации на 6 февраля 1992 года, если в течение одного года после этого дня они не заявили о своем нежелании состоять в гражданстве Российской Федерации, но и лица, состоявшие в российском гражданстве по рождению, проживавшие за ее пределами, возвратившиеся для постоянною проживания на российскую территорию (независимо от времени возвращения) и не имеющие гражданства другого государства...»

Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Жуйков

Ред. Вы сказали об объявленной Эллой Памфиловой встрече с президентом...

С.Г. Да, она состоялась 10 декабря 2002 года. Мне выделили наибольшее время из всех докладчиков, поскольку проблема новой безобразной редакции Закона о гражданстве была признана наиважнейшей. По итогам встречи была создана Рабочая группа. По сути, она занялась тем, что создавала «костыли» к плохому Закону. Но если хромоту дать даже 27 костылей, ходячим он не станет. Кое-чего, однако, удалось добиться. В общем, на заседание этой Рабочей группы приглашали поочередно и меня. В итоге в Законе «О гражданстве РФ» родилась новая часть 4 статьи 14 с пунктом об упрощенном порядке предоставления гражданства тем, кто постоянно проживает в России. В результате полмиллиона людей за год получили российское гражданство. Правда, это положение статьи изначально имело ограниченный срок действия, и в середине 2009 года, когда по многим правозащитным направлениям наметился спад, посчитали, что эта часть «отработала» свое, и ее убрали за ненадобностью. Всего за время ее действия только по этому признаку гражданство получило около двух миллионов наших бывших соотечественников.

Документ

«Путин В.В.: Я не сомневаюсь, что в тех законах, которые были приняты, наверняка очень многое нужно исправлять. У меня даже сомнений нет на этот счет. И я Вам скажу честно: я подписал эти законы только для того, чтобы создать хоть какой-то каркас наведения порядка в конце концов в этой сфере.

...И я согласен с Вами, что, может быть, то, что напринали, ни в какие ворота не лезет, потому что мы вообще дверь можем закрыть и поставить людей, которые здесь уже живут, добросовестно трудятся, в ужасное положение. Этого нельзя сделать, я с этим согласен. Просто я обращаю Ваше внимание, что нам нужны эти инструменты, они должны быть цивилизованными, современными, они не должны обижать людей, ставить их в дурацкое положение. Но порядок какой-то должен быть в стране, если мы претендуем на то, чтобы быть государством.

...Согласен с Вами абсолютно. Я очень рассчитываю на то, что Ваше активное участие поможет сделать этот инструмент цивилизованным. Уверю Вас, я заинтересован в этом, и очень хорошо, что Вы поставили этот вопрос».

Из стенограммы заседания Комиссии по правам человека с участием Президента Владимира Путина, 10 декабря 2002 года

Ред. Были еще успехи?

С.Г. Были, президент Медведев давал неплохие, дельные поручения. Но они не выполнялись, а он не мог заставить подчиненных их реализовать.

Ред. Почему при реальных, заметных успехах вы ушли из Совета?

С.Г. Делегация Совета собралась лететь в Алтайский край, это было 11 сентября 2011 года. Мы собрались в аэропорту и там узнали о рокировке Медведев – Путин. Эти двое уже все решили между собой. Зачем же тогда было тратить деньги на выборы? Как гражданину мне показалось оскорбительным быть членом Совета при таких обстоятельствах.

Ред. Но вы не прервали сотрудничество с Советом?

С.Г. Нет, разумеется. Я выступаю в качестве эксперта, прихожу на заседания. Ведь творятся чудовищные вещи. Была правительственная программа миграционной политики. Ученые и мы занимались модернизацией в этой области. Боролись за упрощенный порядок регистрации, за сокращение безгражданства, как это делается во многих странах мира. Ведь мы же ни к одной из двух конвенций по апатридам и сокращению безгражданства так и не присоединились. А Концепция, которая разрабатывалась на очень серьезном научном уровне четыре года президентства Медведева, была утверждена уже Путиным, но она не выполняется. Много делается с точностью до наоборот: вместо упрощения регистрация усложняется, возникают новые и бессмысленные законодательные новшества. Судебная система разваливается и уже превращена в структуру, подчиненную исполнительной власти. О независимой ветви судебной власти даже смешно говорить.

Ред. Светлана Алексеевна, а наплыв беженцев из Донецкой и Луганской областей вас не пугает?

С.Г. Нет, не пугает. По сравнению с миллионами сирийских беженцев в Турции, Иордании и Ливане Россия приняла совсем не так много беженцев. Кроме того, беженцы с востока Украины – это люди нашей культуры, говорящие на нашем языке, и мы за них несем моральную ответственность, потому что стали во многом причиной их бегства. К сожалению, государство утратило к ним интерес и, кажется, не разделяет это мое убеждение. Пропагандистскую роль они уже выполнили.

[1](#) Имеется в виду сидячая демонстрация семерых советских диссидентов против ввода войск СССР в Чехословакию, состоявшаяся на Красной площади 25 августа 1968 года. Участники демонстрации были арестованы милицией, жестоко избиты и впоследствии приговорены к тюремному заключению и принудительному лечению.

[2](#) Механико-математический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

[3](#) Постановление Совета министров РСФСР от 13 апреля 1990 года № 117 «О мерах по оказанию помощи гражданам, вынужденно покинувшим Азербайджанскую ССР и Армянскую ССР» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – 1990. – № 14, ст. 97.

[4](#) В порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 13 Закона РФ от 28 ноября 1991 года № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 6, ст. 243 в первоначальной редакции.